

Николай Вельяминов

**Воспоминания об Императоре
Александре III**

Николай Вельяминов

**Воспоминания об
Императоре Александре III**

«Public Domain»

1920

Вельяминов Н. А.

Воспоминания об Императоре Александре III /
Н. А. Вельяминов — «Public Domain», 1920

«Как хирург, практиковавший в течение 40 лет, как профессор и администратор в течение 1/4 века занимавший некоторые высшие врачебно-административные должности, как один из врачей Царской Семьи и как участник 3-х кампаний, я встречал и знал в жизни очень много русских людей самого разнообразного социального положения и самых разнородных политических убеждений, сам всегда стоя вдали от политики. Мимо меня прошли, как в кинематографе, масса русских деятелей разных «рангов» и немало крупных эпизодов из жизни России за эти 40 лет. Я никогда не вел дневника, никогда не располагая нужным для этого временем, но иногда записывал под свежим впечатлением некоторые интересные разговоры и не лишённые исторического значения эпизоды. Теперь, пользуясь этими материалами, оставшимися у меня документами, письмами и своей памятью, я попытаюсь изложить в нижеследующих строках мои воспоминания в виде отдельных отрывков или очерков, в надежде, что воспоминания эти окажутся не лишёнными некоторого интереса для более широкого круга читателей, но попрошу смотреть на эти очерки не как на законченные картины и портреты, а лишь как на отрывочные эскизы или наброски, могущие только послужить сырым материалом для более опытных и компетентных бытописателей и историографов...»

© Вельяминов Н. А., 1920

© Public Domain, 1920

Содержание

Предисловие	5
Мои воспоминания об Императоре Александре III, его болезни и кончине	6
I. Врачи в царствование Императора Александра III	7
II. Первые мои встречи с Государем	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Николай Вельяминов

Воспоминания об

Императоре Александре III

Предисловие

Как хирург, практиковавший в течение 40 лет, как профессор и администратор в течение 1/4 века занимавший некоторые высшие врачебно-административные должности, как один из врачей Царской Семьи и как участник 3-х кампаний, я встречал и знал в жизни очень много русских людей самого разнообразного социального положения и самых разнородных политических убеждений, сам всегда стоя вдали от политики. Мимо меня прошли, как в кинематографе, масса русских деятелей разных «рангов» и немало крупных эпизодов из жизни России за эти 40 лет. Я никогда не вел дневника, никогда не располагая нужным для этого временем, но иногда записывал под свежим впечатлением некоторые интересные разговоры и не лишённые исторического значения эпизоды. Теперь, пользуясь этими материалами, оставшимися у меня документами, письмами и своей памятью, я попытаюсь изложить в нижеследующих строках мои воспоминания в виде отдельных отрывков или очерков, в надежде, что воспоминания эти окажутся не лишёнными некоторого интереса для более широкого круга читателей, но попрошу смотреть на эти очерки не как на законченные картины и портреты, а лишь как на отрывочные эскизы или наброски, могущие только послужить сырым материалом для более опытных и компетентных бытописателей и историографов.

Н. Вельяминов
Петроград
Март 1919 г.

Мои воспоминания об Императоре Александре III, его болезни и кончине

Приступая к изложению своих воспоминаний об Императоре Александре III, я долго колебался – предлагать ли их вниманию читателя, вполне сознавая их громадные недочеты, но с другой стороны, я теперь убедился более, чем когда-либо, что представления об этом монархе-миролюбце, так долго сдерживавшем мир от кровопролития, очень неверны и несправедливы – широкая публика Его мало знала и знает. Он был популярен среди народных масс, которым Он импонировал всей Своей чисто русской физической и нравственной фигурой, фигурой мощного русского богатыря, но Его не знала интеллигенция, которая, как теперь оказалось, так-же, как иностранка Императрица Александра Федоровна, не знала и не понимала России. Может быть теперь, после революции, история Его царствования и Он сам в глазах уравновешенных людей подвергнутся коренной переоценке. Об Александре III людьми не предубежденными и объективными пока написано очень мало, меньше, чем о Его несчастном сыне. Вот почему я теперь решаюсь выпустить эти «мемуары», как бы дефективны они ни были. Во время царствования Александра III я был молодым, скромным врачом, начинающим свою карьеру, которой Он в значительной мере способствовал; тогда я был предан исключительно своей науке, своему делу, стоял очень далеко от политики и государственных дел, интересоваться которыми у меня, к сожалению, не было времени, поэтому от меня нельзя и ожидать даже попыток начертать здесь что-либо, похожее на биографию Государя или историю Его Царствования, но я был близок к Государю, как врач, – видел Его в семейной жизни, в часы Его досуга, ходил за Ним, как за больным и, наконец, присутствовал при Его кончине – момент, в который так сказывается весь человек, кто бы он ни был, когда так вырисовываются характер и мировоззрение человека, особенно монарха-самодержца, принужденного уметь даже умирать на людях, оставаясь монархом. Поэтому я могу передать здесь лишь некоторые отдельные черты Его характера, Его личности; думаю, что внимательный читатель сумеет в этих штрихах, как бы мелки они ни были, почерпнуть материал для воспроизведения представления об исторической личности, 13 лет влиявшей на судьбы всей Европы, может быть – на историю всего мира.

Очень жалею, что в этих моих заметках слишком много личного, но избежать этого недостатка «мемуаров» я на этот раз не мог, потому что они основаны почти целиком на личных отношениях с Государем и, главным образом, на моей личной службе Ему.

I. Врачи в царствование Императора Александра III

Медицина и врачи при Государе Александре III не были в «фаворе», и в этом, как мне кажется, последние были сами виноваты.

Государь, будучи, как Он думал, всегда здоров, не нуждался во врачебной помощи, не любил лечиться, не особенно верил в могущество врачебной науки и считал медицину «бабьим делом» – уделом спальни и детской, предоставляя все, касавшееся медицины, главным образом, Императрице. Государыня тоже не очень жаловала врачей и предпочитала по возможности обходиться домашними средствами и советами опытной английской «nurse»¹, бывшей при детях и, как все англичанки этого типа, располагавшей целой коллекцией патентованных средств и своим «опытом». Для маленьких «бобо» имелся под рукой лекарский помощник или попросту – фельдшер, сначала некий Чекувер, убитый при катастрофе 17 октября, потом – Поляков. Эти лекарские помощники, хотя и состояли в классных чинах, как камердинеры и камер-фурьеры, все-же находились на положении старшей прислуги и были очень удобны в домашнем обиходе, если у кого-нибудь были царапина, насморк, флюс и т. п.

Со времен Александра II, пожалуй, и Николая I, в петербургском врачебном мире образовались две совершенно определенные партии – русская и немецкая; к последней примыкали евреи, явные и скрытые, отчасти и поляки. Во главе русской партии стоял знаменитый проф. С. П. Боткин, во главе немецкой – проф. Э. Э. Эйхвальд и К. А. Раухфус, креатуры Вел. Кн. Елены Павловны. Эти две партии были в непримиримой вражде между собой, и эта борьба и интриги между ними внушали в то время мало симпатий к столичному врачебному миру вообще – трудно было питать искреннее уважение к людям науки, которые постоянно «грызлись» друг с другом и больше занимались своей пресловутой средневековой врачебной этикой и своими партийными счетами, чем интересами своих больных.

По традициям из глубокой старины при Дворе премиривала немецкая партия, с упорством защищавшая свои позиции против русских. Государь и Императрица не особенно долюбливали немцев вообще, а следовательно и немцев-врачей, а из русских врачей, кроме Боткина, никого не знали, да к тому-же русские врачи тогда вербовались преимущественно из семинаристов и детей разночинцев и по своему воспитанию мало подходили к требованиям придворных сфер.

Пословица говорит: «каков поп, таков приход», а эта пословица особенно применима в отношении высших слоев общества и Двора, где всегда старались воспринимать тон, даваемый Двором, поэтому и русская аристократия также относилась к врачам, как и Царская Чета.

Врачом Государя и Его Семьи официально состоял Лейб-хирург Густав Иванович Гирш, единственный врач, состоявший одновременно при Императорской Главной Квартире, т. е. в военной свите Государя. Из врачей, призывавшихся ко Двору в качестве консультантов наиболее близкими к Царской Семье были: А. Я. Крассовский – акушер Императрицы, и К. А. Раухфус – врач августейших детей. Консультантами по внутренним болезням были уже состарившийся академик Н. Ф. Зускауер, носивший звание лейб-медика-консультанта, и проф. С. П. Боткин; по глазным болезням – Кобат и Н. И. Тихомиров, по ушным – Вреден, потом проф. Н. П. Симановский. Хирургами считались Г. И. Гирш и А. Л. Обермиллер – медицинский инспектор Министерства.

Двора, но в сущности ни тот, ни другой хирургами не были и, как таковые, никаким авторитетом не пользовались.

Все вышеназванные врачи, носившие придворное звание, получили таковое, кроме Тихомирова, еще при Александре II, а Зускауер – еще при Николае I, и носили Их вензеля. Государь

¹ медсестра, няня (англ.).

Александр III был вообще очень скуп на пожалование Своих вензелей и придворных званий и при Нем лейб-медиков, носивших Его вензеля, т. е. Им в это звание пожалованных, было всего 4 врача: проф. Н. А. Круглевский, случайно присутствовавший при смерти раненого Императора Александра II и потом никогда при Дворе не бывавший, Н. И. Тихомиров – окулист Императрицы, И. П. Коровин – врач детей Александра II от морганатического брака Его с кн. Долгоруковой, и я. Все мы носили звание почетных лейб-медиков; в звание действительных лейб-медиков при Государе Александре III никто пожалован не был.

Г. И. Гирш происходил из эстонской крестьянской семьи, был племянником Кареля, лейб-медика Александра II, и по протекции дяди своего был назначен врачом к Наследнику Цесаревичу Александру Александровичу, при котором и состоял до Его смерти, дослужившись при Николае до чина действительного тайного советника и Александровского кавалера. По своему воспитанию Гирш был полунемец и даже с акцентом говорил по-русски, а писал по-русски с трудом; Императрица, несмотря на Свою нелюбовь ко всему немецкому, говорила с Гиршем всегда по-немецки. Гирш считал себя хирургом, но навряд ли в жизни сделал какую-либо операцию, кроме ампутации, а о современной хирургии не имел никакого понятия. Как терапевт, он был довольно знающ, но в Царской Семье никогда никого не лечил – при легких заболеваниях обходились англичанкой и лекарским помощником, а в более серьезных случаях звали консультанта. Когда кого-либо приглашали за его спиной, он являлся сам и говорил всем, что этого консультанта пригласил он. Про него в шутку говорили, что когда кто-либо заболел, он первый говорил, что надо позвать доктора.

В Царской Семье Гирша очень любили, как человека очень доброго, покладистого, хорошего и терпеливого, но, как с врачом, с ним никто не считался; на него смотрели, как на старого, преданного слугу, больше – как на старую удобную мебель, к которой привыкли. Он был удобен потому, что никогда не обижался и с консультантами всегда соглашался. Припоминаю, как раз, уже при Николае II, Императрица-мать сильно ушибла себе ногу; приехав я застал у нее Гирша, который осматривал ногу и при мне сказал Императрице, что нужно положить на 2–3 недели гипсовую повязку и потом массировать. Не желая вступать с ним в спор, я засучил рукава и начал массировать, доложив, что в таких случаях мы теперь гипсовой повязки не употребляем. Гирш объявил тут-же Императрице, что ему особенно приятно, что мы с ним совершенно одинакового мнения. Когда Императрица стала быстро поправляться, Гирш при мне говорил Ей, что улучшение наступило так быстро потому, что не была применена гипсовая повязка.

До 1892 г. из всех лейб-медиков в интимную жизнь Царской Семьи допускался только один Гирш и он был, таким образом, единственным врачом близким к Государю, но, как видно, являлся очень слабым представителем врачебного мира при дворе, не имея никакого престижа, чтобы защищать интересы врачей пред Государем и сколько-нибудь влиять на роль и значение государственной и общественной медицины в России.

Для лечения собственно ко Двору приглашались С. П. Боткин, Н. И. Тихомиров и К. А. Раухфус. Остальные лейб-медики, из коих наибольшим почетом и уважением пользовались Крассовский и Зускауер, по возрасту и отсталости уже сходили со сцены.

С. П. Боткин, очень почитаемый Государем и всей Императорской Фамилией, бывший очень близким к Александру II и Императрице Марии Александровне, от двора Александра III держался вдали и появлялся только, когда его звали. Государь видимо очень уважал Боткина, как врача и ученого, но навряд-ли симпатизировал ему, как человеку, потому что он почему-то «считался» «левым», вероятно вследствие направления его жены. Во всяком случае Боткин был от Двора далек, считался ученым, но, я думаю, скучным и слишком «большим», ареной-же Раухфуса служили детская, где он, по привычке забавлять своих маленьких пациентов, держал себя полу-шутком, и через Гирша старался интриговать против русской партии.

Из крупнейших врачей-администраторов того времени, которых Государь мог знать, хотя и мало, можно назвать: Главного Военно-Медицинского Инспектора А. Л. Реммерта, Главн. Мед. инспектора флота В. С. Кудрина, Директора Мед. Департамента Мин. Вн. Д. Н. Е. Мамонова, но все это были «тайные советники», бюрократы, «генералы от медицины», но не ученые и не врачи, очень далеко стоявшие от Двора.

Из военных врачей, известных Государю по Красносельскому лагерю, следует упомянуть о Петерб. Окруж. в. м. инспекторе Ф. С. Энкгофе и о корпусном враче гвардейского корпуса К. Г. Фовелине. Первый был добрейший человек, большой охотник, знаток лошадей, коими он торговал, но представлявший собою в медицинском отношении пустое место; последний был алкоголик и посмешище всей гвардии.

Академию Государь не долюбивал за ее революционный дух и считал ее гнездом нигилизма. Как-то Государь с негодованием рассказывал мне, как при посещении Им Академии В. В. Пашутин пригласил Его и Императрицу в аудиторию Славянского, чтобы ею хвастнуть; когда Они вошли, то на стене оказалась громадная таблица с изображением органов женщины, для не врача очень «неприличной». – «Я понимаю, говорил мне Государь, что такие таблицы нужны для лекций, но зачем-же их вешать на стене вне лекционного времени, да еще приглашать Императрицу при студентах, когда это совершенно было не нужно и не интересно».

При посещении Государем больниц, врачи, не привыкшие держать себя с Высочайшими Особами, терялись, не всегда сохраняя свое достоинство, а потому делали промахи, которые объясняли и невоспитанностью и над которыми смеялись. Так, я помню рассказ Императрицы, как д-р Мориц, при неожиданном приезде Государя в Женскую Обуховскую больницу, прибежал испуганный в палату и в попытках или с «конфуза» первый подал руку Государю и любезно ее потряс, как старый приятель, как проф. Ратимов демонстрировал Государю на блюде «противный» препарат вырезанного им рака желудка, на которого Государь смотрел с отвращением, не понимая, зачем Ратимов его показывает.

Таким образом, как мы видим, вблизи Государя не существовало влияния разумного, образованного и воспитанного, авторитетного врача. Государь только видел и слышал одну неприятную и отрицательную сторону врачебной деятельности, не видел врачей Ему симпатичных и вселяющих Ему доверие и уважение к их науке, не видел и не слышал в этом отношении ничего положительного и интересного. Удивительно ли, что Он относился к медицине индифферентно или даже презрительно и недоброжелательно. К тому-же в то время положение врачей в аристократическом мире и при Дворе было у нас еще какое-то неопределенное и двусмысленное, отдававшее еще временами крепостного права и Петровской Руси, когда врачи приравнивались чуть-ли ни к «брадобреям», – врачи в то время, как и художники и актеры, стояли как будто на границе между «господами» и высшей прислугой, как околоточные в полиции – не то офицер, не то нижний чин; врачей принимали в спальне и детской, но в гостиную пускали с трудом, а за столом сажали на конце стола с гувернерами и боннами; правда, между врачами были тайные советники, александровские кавалеры и лейб-медики, но ведь были камердинеры и камерфурьеры в классных чинах и с орденами на шее, были и лейб-кучера, и врачи не умели себя поставить и провести резкую грань между собой и гувернерами из барабанщиков и боннами. Ведь в таком-же положении было тогда и духовенство, которое не считали равным с «господами», за исключением разве высших иерархов. Помню, как при Дворе Императора Николая II нас врачей на каком-то парадном завтраке посадили за один особый стол с придворным духовенством, а остряк Раухфус смеясь заявил, что это нововведение с тех пор, что Лукьянов стал обер-прокурором Синода...

Вот почему сложилась легенда, что Государь Александр III не любил врачей настолько, что, не желая их слушать, довел себя до смертельной болезни. Между тем Государь относился к врачам с полным уважением, когда они держали себя с тактом и скромно, но не без самолюбия. Так Он очень любил и уважал харьковского профессора-хирурга В. Ф. Грубе, после

того, как лично видел его отношение к раненым при катастрофе в Борках; так-же безукоризненно-любезно, милостиво и с большой добротой относился Государь и ко мне, и я мог только гордиться Его обращением со мной, когда я ухаживал за Ним, на Его смертном одре, тогда как проф. Г. А. Захарьина Он любил за его чудачества и ломанье.

II. Первые мои встречи с Государем

Будучи младшим врачом 85-го пех. Выборгского Императора Вильгельма полка, я в 1886 г. был впервые назначен на лагерное время хирургом-консультантом Красносельского военного госпиталя.

Как известно, в Красносельском лагере собирался гвардейский корпус и другие войска Петербургского округа, всего 30–35 000 человек. Работы там было много и она была ответственная, так как она протекала на глазах высшего военного начальства, отчасти и самого Государя, и легко подвергалась критике. По обычаю с весны лагерем командовал командир гвардейского корпуса, тогда Принц Александр Петрович Ольденбургский. В начале июня, ко времени сбора всех частей в лагере, в Красное переезжал Главнокомандующий Вел. Князь Владимир Александрович, а в конце июля или начале августа на время смотров и маневров прибывал Государь Император с Императрицей.

Преображенским полком командовал Вел. Кн. Сергей Александрович, а в рядах этого полка Наследник Цесаревич Николай Александрович, во главе Лб. Гвардии Конного полка находился Вел. Кн. Павел Александрович; кроме того производили смотры генерал-фельдцейхмейстер В. К. Михаил Николаевич и генерал-инспектор кавалерии В. К. Николай Николаевич младший. Таким образом все, что делалось в Красном, было известно почти всем членам Императорской Фамилии и самому Государю. Понятно, что все военное начальство было постоянно начеку, и служить в Красном было не легко. В противоположность мнению теперешних «критиков» старого режима, в то время к солдату относились с большой заботливостью, его хорошо одевали, отлично кормили и лечили. Присмотр во всех этих отношениях был самый тщательный. О каждом несчастном случае или случайном ранении мы обязаны были доносить «по команде» всему начальству, о более тяжелых повреждениях нижних чинов и офицеров безразлично представлялись донесения Государю, кроме того при несчастных случаях в шефских частях сведения требовали и шефы. Так напр. о всех случаях в Кавалергардском и Кирасирском полках ежедневно сообщали сведения Императрице, как шефу этих полков. А несчастных случаев за лето, при маневрах, стрельбе боевыми снарядами и т. п., в Красном Селе бывало не мало; все пострадавшие доставлялись в госпиталь, поэтому на хирурга госпиталя ложилась немалая ответственность. Военное начальство, знавшее конечно о заботах Высочайших Особ по отношению к раненым и тяжело больным, тоже очень интересовалось участью пострадавших и постоянно посещало своих больных в госпитале; навещали больных все начальники, начиная от ротных командиров и до корпусного. Служба наша в госпитале была очень тяжелая – помимо большой чисто врачебной работы, приходилось ежедневно принимать, сопровождать начальство, военное и медицинское, и всем давать объяснения и справки. Кроме того, как хирург, я часто получал командировки для присутствия, напр., на скачках, на маневрах, на переправах и т. п. Надо было быть наготове во всякое время и днем, и ночью.

Принц Ал. П. Ольденбургский, всегда особенно интересовавшийся врачебным делом, неутомимый, энергичный, строгий и требовательный посещал госпиталь очень часто, входил во все подробности и был для нас грозой. В июле подробно осматривал госпиталь Главнокомандующий, а в начале августа ежегодно приезжал к нам Государь с Императрицей, в сопровождении Главнокомандующего, Военного Министра и друг. День этот мы ждали и готовились к нему все лето, а удивительно милостивое и благожелательное отношение Государя и Его благодарность были нашей наградой за понесенные труды. Государь осматривал госпиталь очень тщательно, подробно и не торопясь, жертвуя на это часа 2 времени. Госпиталь располагался в бараках и шатрах в саду, и Государь обходил все палаты и шатры, заходил в аптеку, в кухню и даже в покойницкую, пробовал пищу, подробно расспрашивал о состоянии тяжелых больных и много разговаривал с солдатами и офицерами. Он был удивительно обаятелен Своей простотой

и добротой и Его все очень любили, хотя почему-то побаивались, это характерная черта русского человека – почитать и любить того, кого он одновременно боится. Все знали, что Государь пуще всего не любит лжи и обмана и что человек, раз попавшийся в неправде, навсегда погиб в Его глазах. Хирургическое отделение показывал консультант-хирург, все остальные отделения – главный врач при помощи ординаторов. Государь требовал, чтобы мы знали каждого больного, какой он части, при каких обстоятельствах им получено повреждение, сколько он лечится и т. д. При 150–200 больных в отделении помнить все это было трудно, но мы готовились к Высочайшему смотру и заучивали эти сведения, как к экзамену.

Я работал в госпитале в 1886 и 1887 г. и с 1890 по 1892 г. и следовательно 5 раз показывал мое отделение и давал объяснения Государю. Помню, что в первый год докладывать Государю было страшновато; эту робость вселяли Его рослая и величественная фигура, но при разговоре с Ним робость исчезала и в Нем чувствовался человек, удивительно добрый и прямой, но хорошо знающий, чего Он хочет. Дни Высочайшего смотра госпиталя были праздником – и для врачей, и для больных. При первом посещении Государь спросил меня, из каких я Вельяминовых и, услышав, что я сын преображенца, спросил, как и почему я сделался врачом. Я ответил, что пошел на врачебное поприще по призванию. Государю это видимо понравилось, и Он сказал: «тяжелый это труд». Помню, как на второй год, когда Государь еще мало меня знал, я чуть чуть невольно не погубил себя. У меня было много выздоровевших, уже бывших на ногах; Государь приказал выстроить их шеренгой на аллеях сада, чтобы самому не обходить шатры. В последних для дачи объяснений мне помогали доски над кроватями, но в саду надо было знать больных в лицо. Я запомнил людей по полкам и по фуражкам припоминал полученные ими повреждения и как они получены.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.